

Е.К. Скрибник

**К ВОПРОСУ О НЕОЧЕВИДНОМ НАКЛОНЕНИИ
В МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА)¹**

1. Для мансийского языка, как и для другого обско-угорского — хантыйского, характерно предикативное употребление причастных форм; в роли финитного сказуемого зафиксированы все три мансийских причастия — настоящего-будущего времени на =н, прошедшего времени на =м, прошедшего времени пассивное на =им(а):

(1) (Сунсэн,) эл павыл унлы=нэ=тэ (Part.Fut.) (Б.СМЯ 113)
'(Смотрите:) впереди, оказывается, деревня стоит!';

(2) (juβʃ̄ ̄n̄kβatamēt) ̄noχsāmp̄e sāk̄ap=эм (Part.Perf.) '...(als er sich umblickte,) war sein Hund erwürgt' (К 1:69) '...(он оглянулся, а) собаку его, оказывается, задушили';

¹ Я приношу благодарность Н.А.Козинцевой, Н.В.Перцову и В.А. Плуныню, прочитавшим первый вариант этой статьи и сделавшим ряд существенных замечаний, которые я постаралась учесть, а также Российскому гуманитарному научному фонду, при поддержке которого выполнена эта работа (грант № 95-06-17008).

(3) (nōŋχ sajkalamatēt) nāŋlūpite mā βāt.ən tot=ima (Part.Pass.) '(Als sie aufwacht,) ist ihr Lärchenbaum ans Ufer des Landes getrieben' (K 1:215–6) '(Она проснулась, а) ее лиственницу, оказывается, на берег вынесло';

В русской традиции такое причастное употребление характеризуется как специальное наклонение. В грамматическом очерке В.Н. Чернецова (1937:185) описывается “повествовательное наклонение” с единственной формой прошедшего времени на =м; она трактуется как омоним причастия („-м, идентичный суффиксу отглагольного имени завершенного процесса действия“).

В учебниках мансийского языка для педучилищ (Баландин – Вахрушева 1957, их позднейшие переработанные переиздания Вахрушева – Ромбандеева 1979, 1984, 1989) используется термин “наклонение неочевидного действия”; он же используется в работах Е.И. Ромбандеевой (1966, 1973, 1979, 1993, 1995). У Е.И. Ромбандеевой встречаются также термины “аудитив” (1973:137) и “абсентив” (1995:123). В составе этого наклонения рассматриваются, однако, уже все три причастные формы; таким образом, оно приобретает темпоральную структуру, форме настоящего времени на =н противопоставляются активная и пассивная формы прошедшего времени, на =м и =има соответственно.

В зарубежном финно-угроведении по этому вопросу представлены два подхода, которые можно условно назвать собственно финно-угроведческим и типологическим. Ранние финские и венгерские работы описывают предикативное употребление только причастия на =м и трактуют его как форму с временным, а не модальным значением (Ahlquist 1894; Munkácsi 1894; см. историю вопроса в Kispál 1966). В важнейшей для угроведения венгерской традиции особое наклонение не выделяется; в 1950–60-е гг. этот термин появляется на короткое время под русским влиянием: в грамматическом очерке Gy. Lakó 1957, написанной после его работы с Е.И. Ромбандеевой как информантом, говорится о “неочевидном действии” (с. 403 — „angebliche (неочевидное) Handlung“, со ссылкой на В.Н. Чернецова 1937), но не о наклонении. В самом полном монографическом исследовании мансийских инфинитных форм (Kispál 1966) в предикативном употреблении описываются все три причастия и, кроме того, две аналитические формы (=има ōл-, =има ōнс-), однако термин “повествовательное наклонение” (вновь со ссыл-

кой на В.Н. Чернецова) применяется только для двух форм со значением прошедшего времени: „In den Norddialekten ...grammatisiert... als Stamm des unitemporalen „Erzählungsmodus““ (с. 350–1). Этот термин, однако, быстро исчезает: L. Honti (1975, 1988) такое употребление не описывает вообще, а классик современного венгерского мансиеведения Б. Кальман свою позицию в этом вопросе не проясняет. Он описывает финитное употребление только причастия на =м как формы неочевидного прошедшего: “не непосредственный опыт, но нечто, о чем узнают с чужих слов или догадываются” („nicht direkte Erfahrung, sondern etwas, was man vom Hörensagen weiß oder so ahnt“ — Kálmán 1976:44). Однако в грамматических таблицах без какого-либо системного комментария приводится также финитная парадигма формы на =има; она озаглавлена „Passiv Präteritum“, но расположена вне парадигм индикатива, между условным наклонением и прекативом, и к примеру с глаголом ‘везти’ дан перевод ‘ich wurde gebracht (ohne es zu wissen)’, т.е. ‘я был привезен (не зная об этом)’. Сюда же примыкает работа Л.В. Мерфи (Murphy 1968); в его характеристике мансийских наклонений “неочевидное наклонение” не упоминается совершенно, хотя он подробно анализирует взгляды В.Н. Чернецова по этому вопросу и дает сноски с той же страницы, где у того стоит “повествовательное наклонение”. Л.В. Мерфи упоминает предикативные причастия только в разделе о темпоральной системе мансийского глагола („When the present participle is used, it often equals a perfect tense; when the past participle is used, it is often equivalent to a pluperfect tense... (it) indicates that the speaker has not seen the action“, 1968:132).

Другая линия представлена в энциклопедии по уральским языкам Б. Коллиндера (Collinder 1957: 326, 333): для угорских языков в ней выделяется отдельное наклонение — нарратив, в мансийском языке имеющий две формы прошедшего времени, активную (=м) и пассивную (=има). Дж. Пиротти (Pirotti 1972) в своей мансийской грамматике анализирует на материале мансийского, коми-зырянского и удмуртского языка „modus relativus, obliquus o narrativus“ с единственной формой на =м и сравнивает его с аудитивом в самодийских языках. Б. Комри использует для характеристики уральских наклонений (включая обсуждаемые мансийские формы) термины „evidentials“ и „inferentials“ (Comrie 1988:467); см. об этом ниже в пункте 3.

2. В настоящей работе я хотела бы проанализировать семантику причастных предикативных форм и определить, выражают ли они модальное значение, или их следует характеризовать в терминах других грамматических категорий. Соответственно, ставится задача построить систему грамматических категорий мансийского глагола с учетом не только собственно финитных синтетических форм, как это обычно делается, но и аналитических форм, а также причастий в финитном употреблении.

Материал исследования составляет около 500 примеров из грамматик, публикаций фольклорных текстов (сыгвинский и сосьвинский говор), современных публикаций на литературном мансийском языке (см. Список сокращенных названий источников в конце статьи). Во всех приводимых примерах сохранено написание оригинала (за исключением текстов А. Каннисто, где фонетическая транскрипция заменена фонологической).

Итак, разные описания насчитывают максимум три причастных формы в предикативном употреблении; как уже говорилось, в эту систему необходимо включить также аналитические формы, =има ол= и =има оньсь¹. Первые три я подробно характеризовала в предыдущей работе (Skribnik 1997), поэтому здесь только повторю коротко основные итоги анализа.

Семантика формы на =н описывалась как длянщееся незаконченное действие (Munkácsi 1894:43; Kispál 1966:168); у Е.И. Ромбандеевой — как действие, начавшееся в отсутствие говорящего, о котором говорящий узнает непосредственно во время речевого акта и поэтому воспринимает как незаконченное (1973:137). А.Н. Баландин и М.П. Вахрушева характеризуют выражаемое действие как неожиданное для говорящего (1957:142); М. Кишпал — как “не вполне четко воспринимаемое состояние” („irgendwie nicht ganz bestimmt wahrgenommenen Zustand, vgl. A. Kannistos Übersetzung: scheint zu’ + Infinitiv“; 1966:173,349).

При описании семантики формы на =м обычно говорится, что действие завершено в отсутствие говорящего. М. Кишпал подчеркивает результативное значение формы на =има, при глаголах, описывающих

¹ Мне встретился также пример аналитической формы с фазовым глаголом ‘становиться, начинаться’ =има пат-, но я вынуждена оставить его за рамками анализа в силу его единичности.

природные процессы, — также и формы на =м; в основном же упор делается на “отсутствие непосредственного восприятия” (indirekte Erfahrung) и на пересказ услышанного (B. Kálmán — „was man vom Hörensagen weiß“ — 1976b:44, „ohne es zu wissen“ — 1976b:42), что подчеркивается терминами “аудитив/нарратив”. Однако текстовые примеры эту характеристику не подтверждают.

Ключ к значению этих форм дает очевидным образом иконическая структура текста, которую можно представить как “veni, vidi — comprehendí, dixi”: подавляющее большинство контекстов начинаются глаголами движения, за которыми чаще всего следуют глаголы зрительного восприятия. Ни в одном из примеров не встретилось каких-либо вводных элементов типа “как я слышал” — только “как я вижу”. “Что я вижу” выражается причастными формами; обе формы прошедшего времени имеют инферентивное значение — передают реконструкцию произошедшего по его непосредственно воспринимаемым “вещественным следам”:

(4) Akwmatērtñ por-ne kol āwi-sūntñ jox̄təs. Sunsi: nāj tāt'em pālt=ima (Part.Pass.), por-ne jox̄t=əm (Part.Prät.) ‘Nun kommt sie zur Tür des Hauses der por-Frau. (Sie) sieht: das Feuer ist ordentlich angezündet, die por-Frau ist zurückgekommen’ (K. WT 59–60) ‘(Девочка) подходит к дому женщины (фратрии) Пор. Видит: огонь так сильно разведен, женщина Пор (очевидно) домой вернулась’;

(5) Экватэ ёхтумет эрт ойкатэ ави куреки тагап=ам ‘Когда старуха подошла, (видит) — старик (спиной) за дверной крючок зацепился’ (Б.МСП 46, 98; здесь интересно, что в авторском переводе А.Н. Баландина стоит слово “видит”, отсутствующее в мансийском оригинале).

Однако помимо инферентивного предикативные причастия имеют еще один компонент значения — адмиративный: ‘информация, не вписывающаяся в фоновые знания говорящего’, т.е. в первую очередь не соответствующая его ожиданиям; в примере (6) это значение дополнительно подчеркивается частицей насати ‘оказывается’, очень частотной при данных формах:

(6) Насати, кангкойкатэ ол=нэ=тэ (ЛС 30.07.91) ‘Оказалось, это его старший брат’;

Для проиллюстрированной в (6) формы причастия на =н, обозначающей не реконструированные, а непосредственно наблюдаемые собы-

тия, неожиданность/несоответствие ожиданиям — ведущий компонент, для форм прошедшего времени — дополнительный. Очень хорошо это демонстрирует пример (5) — старуха прибежала на крик старика, что его кто-то поймал за спину и держит. Пример (4) в этом плане с первого взгляда менее выразителен, но и здесь этот компонент присутствует: девочка ждет мать, которая ушла вместе с женщиной Пор, если матери нет дома, Пор тоже дома быть не должно.

Таким образом, в значении этих форм совершенно нет компонента “пересказа”; чужое сообщение может лишь служить для говорящего точкой отталкивания для формирования собственной точки зрения, ср. примеры (7) и (8):

(7) — Апыгквѐ, лăвѐтен: „Кăт капаягн тай сяр арась хилнѐ мăнтыг“. — Я, а́квмѐкв, манрыг тох лăвитен, матпорат мăнь кăтуп-лăглуп нѐкве ѓл=м=ын! (Р.ММ 37) ‘Внученька, скажи-ка (=ты, наверное, думаешь): “У тебя такие страшные руки, как совки для золы!” — Бабушка, почему ты так говоришь!? Ты раньше была (должна была быть) красивой женщиной с маленькими руками и ногами!’ (=‘Я делаю такое умозаключение, и оно не соответствует задаваемой тобой системе ожиданий’; использована форма на =м).

(8) — Тот кол оли. Юв-сялтэгын, тот калась, сакар оли. Кит тотап унлэыг. Тотап воелн. . . — Тувл мань мось нѐ колн ѓхтыс. Юв-сялтыс. Соль — тотапыт унд=эг=ыт, сакар, каласит хуе=г=ыт (Б.МСП 36) ‘— Там стоит дом. Зайди внутрь, там есть хлеб, сахар. Стоят два ящичка. Возьми один... — Тогда девочка (фратрии) Мощ подходит к этому дому. Заходит внутрь. Правда — стоят ящички, лежат хлеб и сахар’ (здесь обнаруженное положение вещей полностью соответствует полученной информации — и говорящим использована финитная форма настоящего времени на =г).

Таким образом, семантика данной системы форм характеризуется следующим образом:

Пресуппозиция (а): говорящий (в коммуникативном речевом режиме; в нарративном режиме — герой текста) находится в одном пространстве/времени с определенными объектами, доступными его непосредственному восприятию; их признаки (форма, положение...) можно интерпретировать как результат некоторого действия X, которое либо уже завершилось, либо еще разворачивается;

Пресуппозиция (б): говорящий имеет некоторое предварительное представление, что с этими объектами могло произойти, нормально происходит (систему ожиданий);

Ассерция: *Говорящий определяет реконструированное действие как X, констатируя, что это не соответствует его системе ожиданий (иначе он употребил бы обычные финитные формы).*

Происхождение этих форм сказуемого достаточно очевидно — это результат грамматикализация подлежащих конструкций с предикатами ‘слышно’/‘видно’ после эллипсиса этих предикатов, чем объясняется и выражение лица притяжательными аффиксами вместо финитного спряжения (различаются в формах 3-го л.):

(9) $\text{акв\text{е}кв та йи=н\bar{5}=т\bar{э}}$ (‘идти’=Part.Fut.=Poss3Sg) **суйты** (Р.ММ 18) ‘Слышно, что старуха идет назад’;

(10) $\text{Н\text{а}н\text{к талихт \text{Э}ква пыгрись \text{у}нлы=н\bar{5}=т \text{н\text{а}н\text{ти}}$ (Р.ММ 19) ‘Видно, что Эква-пыгрищ сидит на вершине лиственницы’.

3. В дальнейшем изложении я вновь вернусь к системе мансийских “неочевидных” форм, но прежде мне хотелось бы обсудить связанную с ними терминологию. Уже ясно, что термины типа “нарратив” или “аудитив” здесь совершенно неадекватны; с учетом формы настоящего времени неадекватен и “абсентив”. Обращение к классической работе Р. Якобсона о типологии категорий глагола (Jakobson 1957; рус. перевод Якобсон 1972) дает нам одновременно параметры оценки данных форм и нужные термины — “эвиденциалис” и “(ад)миратив”.

Напомню предложенную Р. Якобсоном классификационную схему глагольных категорий:

	с Р		без Р	
	десигнатор	коннектор	десигнатор	коннектор
Не-шифтеры	R^n (род, число)	R^n/E^n (залог)	E^n (вид, статус)	E^n/E^n (таксис)
Шифтеры	R^n/R^s (лицо)	R^nE^n/R^s (наклонение)	E^n/E^s (время)	E^nE^{ns}/E^s (очевидность)

Здесь E — факт (Event), Р — его участники (Participants), ^s — сообщение (speech), ⁿ — содержание сообщения (narrate); комбинациями этих символов задаются четыре основных понятия и одновременно классификационных семантических признака каждой глагольной

категории: 1. сообщаемый факт, E^n ; 2. факт сообщения (акт коммуникации), E^s ; 3. участники сообщаемого факта, P^n ; 4. участники факта сообщения (акта коммуникации), P^s . Глагольные категории, характеризующие либо только сообщаемый факт, либо только его участников, называются *десигнаторами*. Категории, которые характеризуют описываемый объект, E^n или P^n , через отношение к другим описываемым объектам, E^n или P^n , называются *коннекторами*. Наконец, категории, характеризующие сообщаемый факт или его участников по отношению к речевому акту и его участникам, называются *шифтерами*. Соответственно, категории, не содержащие такого указания, называются *не-шифтерами*.

Об эффективности этой классификации свидетельствует, в частности, тот факт, что к ней обращаются многие лингвисты, чтобы найти в ней место для глагольных категорий изучаемых языков — либо с целью ее уточнения в свете новых данных (ср. Jacobsen 1967 — введение в схему категории switch-reference, в нашей системе терминов — относительного лица, он же, 1986 — переопределение понятия очевидности; Aronson 1977 — переопределение понятий модальности и статуса; Мельчук 1977 — дополнительное разбиение на количественные и качественные характеристики; Володин — Храковский 1977 — переопределение модальности и времени как одной категории; Скрибник 1984 — выделение в отдельную таблицу относительных категорий уровня сложного предложения; и мн. др.).

Из определений глагольных категорий у Р. Якобсона нам сейчас интересны два:

наклонение — коннекторная шифтерная категория, характеризующая “отношения между сообщаемым фактом и его участниками в связи с участниками факта сообщения” (1972:101), ср. классическое — “установление говорящим лицом отношения сообщения к действительности”, формула P^nE^n/P^s ;

очевидность (evidentiality) — коннекторная шифтерная категория, характеризующая отношения между сообщаемым фактом и источником сведений о нем в связи с фактом сообщения, формула E^nE^{ns}/E^s .

Итак, термином “очевидность/эвиденциалис” Р. Якобсон называет глагольные категории, указывающие на источник информации, содержащейся в сообщении говорящего; таким источником может быть чужое сообщение, догадка, сон, память о собственном опыте и пр.; в качестве

примера приводятся цитатные формы языков американских индейцев, болгарские формы пересказа чужого сообщения, македонские формы достоверности и др. Интерес к этой категории чрезвычайно возрос в последнее время (достаточно назвать специальные сборники Chafe — Nichols 1986 и Guentchéva 1996, базирующееся на первом из них семантическое исследование Wierzbicka 1996, серию конференций, последняя из которых — коллоквиум “Types of evidentiality in Turkic, Iranian and neighboring languages”, Swedish Research Institute in Istanbul, апрель 1997, и т.д.)²

В сборнике Chafe — Nichols 1986 разными авторами в качестве одного из самых значимых видов эвиденциалиса (определяемого как средство кодирования эпистемических значений) называется *inferential evidential*: сообщение на основе логического умозаключения³. Дж. Николс, одна из редакторов этого сборника, подчеркивая важность этого значения для языков Евразии, пишет о “pan-Eurasian evidential perfect” и далее — что “The Eurasian evidential is primarily inferential” (с. 253). Многие авторы отмечают также, что некоторые описываемые ими формы могут выражать неожиданность, удивительность для говорящего описываемых им событий (адмиратив; у Дж. Николс также значение “непосредственной реакции”: “...IMMEDIATE meaning: the speaker uses it in a more or less spontaneous reaction to a new, salient, often surprising event just as it happens”, с.248).

Позднее понятие миративности (неожиданность для говорящего) начинает выделяться из категории эвиденциалиса — как отдельная семантическая или грамматическая категории, базирующаяся на противопоставлении информации, которая уже является частью картины мира говорящего, и информации новой, еще не включенной в картину мира DeLancey 1997; ср. также Мельчук 1998, где адмиратив включен в чис-

² В одной из статей названного сборника, Jacobsen 1986, дается прекрасный обзор истории изучения категории эвиденциалиса, начавшейся в американистике с Ф.Боаса и от него далее — у Э.Сэпира и Р.Якобсона, М.Сводеша и Б.Уорфа, Л.Блумфилда и т.д.; однако автор высказывает сожаление, что в стандартные учебники по языкознанию и обзоры грамматических категорий эвиденциалиса еще не попал (в том числе его нет у самого Л.Блумфилда в книге “Язык” — хотя в описании одного из алгонкинских языков он приводит в списке пяти наклонений и цитатное). Я могу лишь разделить сожаление автора по этому поводу, добавив, что в русских учебниках и даже в “Лингвистическом энциклопедическом словаре” 1990 г. эта категория также отсутствует.

³ (В русском переводе книги Дж.Лайонза, где идет речь об этом типе значений на примере англ. *must*, использован термин “выводимость” — 1978:327).

ло значений не эвиденциальности, а другой категории - реактивности, с.197-198). Подчеркивается, что эта семантическая категория может реализоваться в сообщениях, базирующихся как на непосредственном опыте говорящего, так и на умозаключении (*inference*), в ряде языков даже при пересказе, поскольку главное здесь — отсутствие психологической подготовленности к новой информации.

Что касается вопроса о том, можно ли в данном случае использовать термин “наклонение”, если эвиденциалис, равно как и миратив, не относится к категории модальности, а является самостоятельной грамматической категорией — а этот вопрос несомненно возникает при чтении классификационной схемы Р. Якобсона, особенно в русском переводе (1972) — то здесь можно обратить внимание на следующий факт. Термин “наклонение” (...) грамматическая категория, выражающая отношение действия, названного глаголом, к действительности с точки зрения говорящего”, ЛЭС:321) связан в русской терминосистеме с понятием “модальность” отношениями типа форма — содержание, грамматический способ — семантико-грамматическая категория: “Наклонение — грамматический способ выражения модальности” (там же со сноской на В.В. Виноградова). Тем самым совершенно не исключается, что тот же способ может служить для выражения и других семантико-грамматических категорий, то есть возможно говорить о наклонениях модальных, наклонениях эпистемологических (эвиденциалис) и т.д.

Можно добавить также, хотя русский термин “наклонение” в его соотношении с термином “модальность” не является однозначным соответствием стоящему в оригинале *англ. mood* (1957) в его соотношении с термином *modality*, но тем не менее формы эвиденциальной семантики достаточно авторитетными авторами характеризовались как наклонения (*mood*, см. в Jacobsen 1986). Анализируемый материал — и приведенный здесь, и в работах других авторов — позволяет понять, что подобные формы находятся в теоретическом пространстве, где “пересекаются интересы” сразу нескольких грамматических категорий — времени, наклонения, аспекта, залога, так что эвиденциалис и миратив, как и модальность, удобнее рассматривать как категории семантико-грамматические, способные выражаться разными формальными средствами, от лексических до синтаксических, и присутствовать в плане содержания нескольких собственно грамматических категорий (ср. также: “Грамматический статус эвиденциальных форм (видо-временные формы

или наклонения?) зависит от морфологической системы языка. В болгарском языке говорят об особой категории или с оговорками о эвиденциальном наклонении... Более распространено выражение подтипов эвиденциальности формами прошедшего времени аористом, перфектом, плюсквамперфектом, имперфектом” (Козинцева 1994:97).

Таким образом, для описания мансийской системы наклонений мы имеем теперь две дополнительные координаты — по источнику информации и по соответствию этой информации картине мира говорящего.

4. Вернемся к мансийским причастным формам в финитном употреблении и рассмотрим, как они располагаются в намеченной выше системе координат, какие компоненты доминируют в их семантике и при каких условиях.

Форма на =м передает чаще всего умозаключение по признакам (+инферентив), хотя см. пример (12); всегда присутствует компонент несоответствия ожиданиям — от простого “оказывается” до более выраженного “к удивлению”, см. пример (12) (+миратив):

(11) Насати нянь кенас кона-мин=ам. Нянь-кенасныл рохт=ум (Б.МСП 46) — Оказывается, это тесто сбежало. Старик квашни испугался;

(12) Соль та хара ма ломт ол=ум. Сунсыглахт=эг=ум (смотреть=наст.вр.=1Sg), ань тыт хара мат матырсыр уй ялас=ам (ЛС 17.09.94) ‘И вправду это оказался кусок тундры. Смотрю, а по этой тундре какой-то зверь бежал’ (это очень редкий пример, где формой прошедшего времени передается не умозаключение, а непосредственно наблюдаемое говорящим неожиданное для него положение вещей и действие; интересно употребление во фразе финитной формы настоящего времени ‘смотрю’).

Форма на =н чаще всего имеет значение непосредственно воспринимаемого “неожиданного” действия (+ миратив; ср также “immediate” у Дж. Николс):

(13) Ань ам юпалумт тай мааколынг ойка та ёмыгта=нэ=тэ (ЛС 19.12.92) ‘И тут позади меня выходит (как выйdet!) медведь!’

Компонент умозаключения (+ инферентив) в форме на =н реализуется реже — и обычно анализируется как “неуверенность восприятия”, чему способствует регулярное сопровождение ее в этом случае частицей хурип(а) ‘как будто, словно’:

(14) saka ti pil=ne=tēn χurip 'Sie scheinen sich ja gar sehr zu fürchten' (К 1 150) — Они словно бы сильно боятся.

Эти две формы, таким образом, должны характеризоваться скорее как миратив, чем как эвиденциалис.

Третья же форма, форма на =има, в финитной функции наиболее частотна и пестра; это пассивная форма прошедшего времени, в зависимости от семантики глагола реализующаяся как пассив, результатив и статальный пассив (ср. Типология 1974; Типология 1983). В значении ее могут присутствовать оба компонента, и "логическое умозаключение", и "несоответствие ожиданиям" (+ инферентив, + миратив), однако опять же в зависимости от лексического наполнения фразы может выражаться то один, то другой из них — либо стираться оба. Миративное значение сильнее всего представлено с пассивом, слабее с результативом и практически совершенно стирается со статальным пассивом от глаголов, обозначающих природные процессы. Значение инферентивности же сохраняется во всех случаях. Рассмотрим примеры:

(15) Пес порат ань йив нялил хайтнут алыгл=ыма. Ань хайтнут хайтыматэ, нялин пат=ыма. Пес порат маколынг ойка ос нялин агл=ыма, йив нялин (ЛС 08.03.93) — Раньше на волков охотились деревянными стрелами (букв.: волки были добываемы, были объектом охоты). Вот волк бежит, стрелой попадают. Раньше и на медведя стрелами охотились, деревянными' (пассив; миратив — для автора текста, женщины, живущей в городе, подобная информация этнографического характера не является частью системы привычных представлений; что до компонента умозаключения, пожалуй, это единственный в моей выборке случай, который можно интерпретировать как пересказ когда-то слышанного; несоответствие нынешним представлениям об охоте);

(16) (Экваыг ойкаыг юв-эхтысыг.) Няврам=ыт пантыг ёмас=има=т (Б.МСП 31) — (Пара мышей приходит домой.) Мышата (букв.: дети) раздавлены;

(17) (Рохнэ ут тай сыс пайп оньс=юм. Пайп=е тарыг йивн тагап=ам ос тот хулыт=ум.) Пайп=е та яныт, хурум охынг товыль акван юнт=ыма=т (ЛС 15.10.94) — (Тот кричащий, оказывается, имел заспанный короб. Короб=его за сосну зацепился и там остался.) Короб=его большой, три оленьих шкуры вместе спиты (встреча с лесным чудовищем описывается исключительно формами миратива, первые три глагола в активной форме на =м);

(18) Юн асирманг, кур ат палт=ыма (ЛС 17.09.94) — (Контекст: дочка дома, но) Дома холодно, очаг не растоплен (результатив; равно представлены и компонент “несоответствие ожиданиям”, и компонент “умозаключение”);

статив:

(19) Кати юв-ёхты. ...нявги: лап-сол=има (Б.МСП 24) — Приходит кошка домой, мяукает — инеем покрыта;

(20) Тэпканув сав туйтын пат=ыма (ЛС 30.04.93) — Наше поле снегом покрыто;

(21) Лёнгха=т туйтын лап-вогаст=ыма=т (ЛС 30.04.93) — Дорогу снегом занесло (статальный пассив; компоненты “умозаключение” и “несоответствие ожиданиям” стерты).

Таким образом, особенности формы на =има состоят в следующем: реализация обоих ее смысловых компонентов — “умозаключение о действии по состоянию объекта” и “несоответствие ожиданиям” — сильно зависит от семантики лексического наполнения фразы. Можно сказать, что “сила ожиданий” спадает по шкале “люди — животные — артефакты — природные объекты”, а при метеорологических глаголах миративный компонент “несоответствие ожиданиям” практически исчезает. Что до временного значения, то форма на =има может выступать парой не только к форме на =м, но и к форме на =н: действие в прошлом, результаты в настоящем.

Для выражения чистого, без элемента миративности и без подчеркнутого элемента умозаключения, значения результата/статального пассива, которое наблюдается уже на периферии употребления форм на =има, в мансийском языке используется две ее аналитических производных, одна с esse-глаголом (=им о́л=), другая — с haveo-глаголом (=им о́ньсь=); вспомогательный глагол тем самым служит как бы для деактуализации семы миративности, отчасти и семы инференциальности: эти аналитические формы могут передавать значения результата, перфекта и длительного действия в прошлом⁴. Примеры с формой =им(а) о́л=:

⁴ Более того, формы на =им(а) о́л= со значением длительного действия бывают также активными; возможна и другая трактовка, что здесь произошла контаминация двух разных аналитических форм - активной формы длительного действия с бытийным глаголом и деепричастием на =им и формы результата с бытийным глаголом и пассивным причастием на =им(а). Поскольку, однако, мансийское “деепричастие” на =им крайне бледно и низко-

(22) Сав тал тыт няврамыт магыс школа пунс=ым ол=ы (ЛС 27.08.91) — Уже много лет здесь открыта школа для детей;

(23) (Кульпас павыл школат тав музей сёпитас.) Тыт савсир пормасыт ос маснугыт ат=им ол=эг=ыт (ЛС 12.10.91) — (В школе поселка Кульпас она открыла музей.) Там собраны различные вещи и одежда;

(24) Ман округувт тамле нэпак ингк нэйлы. Тот сака эрнэ вармаль ханс=ым ол=ы (ЛС 26.10.91) — В нашем округе уже появилась такая книга. В ней написано много полезных вещей;

(25) Манрыг ам ты колн ханс=им ат ол=эг=ум? (ЛС 18.04.92) — Почему я в этом доме не прописана?

(26) Песнув ханисгахтын нэпакт мот сирыл ханс=ым ол=с=ыт (ЛС 30.07.91) Раньше учебники были написаны по-другому;

(27) Букварит сире сир товлынг уйит, салыт, маколынг ойкат посл=им ол=с=ыт (ЛС 12.11.91) — В букваре были нарисованы разные птицы, олени, медведи;

(28) Ты указыт газетат печатайт=ым ол=с=ыт (ЛС 27.08.91) — Эти указы были напечатаны в газете.

Как видим, вспомогательный глагол чаще всего принимает форму настоящего и прошедшего времени индикатива; другие формы крайне редки, но возможны, в том числе даже форма неочевидного наклонения, что лучше всего показывает, что сама аналитическая форма компонент миративности потеряла. Пример:

(29) Насати, тан пуссын экват хольт пунгк атаныл сагыл саг=им ол=м=ыт (ЛСС 20.02.93) — Оказывается, они все (мужчины-манси в прошлом веке — Е.С.), как женщины, волосы в косы заплетали (длительное действие в прошлом, активный залог, миративность передается частией насати и формой на м).

Форма =им онсь= благодаря семантике вспомогательного глагола “иметь”, как бы переворачивает диатезу и дает стательную характеристику уже субъекта действия по итогам выполненного им действия (по состоянию объекта, с которым он имел дело); она может быть охарактеризована как стательный антипассив. Примеры:

частотно, ситуация в целом похожа скорее на незавершившуюся еще грамматикализацию в отдельные формы-омонимы разных функциональных вариантов одной гиперформы. Отмечу еще, что в составе =им(а) компонент в скобках, факультативный в составе аналитической формы, — это сказуемая частица.

(30) (Салы урнэ хум мольсянгыл масхат=ым ол=ыс.) Лагл=аг=е=т люлинг рузинанг сопак=ыг мас=им оньс=ис (ЛС 10.12.94) — (Оленевод был одет в малицу.) На ногах у него были надеты высокие резиновые сапоги (букв.: нога=дв.ч.=прит.3ед.=местн.п. ... сапоги=дв.ч. надетьми имеет=прош.вр.=3ед.; пропущенное подлежащее “олeneвод” однозначно отождествляется по согласованию — здесь нулевой аффикс 3 л.ед.ч., а не двойственное число);

(31) Тагт манси махум та коны-пал сат пунгыт халт Хонт-торум, Полм-торум ос Аяс-торум уламыт такысь ургал=ым оньс=с=аныл ос пурлахтын орумт янггласаныл. Артур Каннисто ученый ос ты урыл пенгилыт ханс=ым оньс=и (ЛС 20.02.93) — Сосьвинские манси, кроме того, среди “семи сокровищ” хранили одеяния (богов — Е.С.) Хонт-торума, Полум-торума и Ас-торума, возвеличивали их во время жертвоприношений. Ученый Артур Каннисто также записал (имеет записанными) моления об этом;

(32) ...ман тай найюв такыщ палт=ым оньц=и=л=ув (ЛС 10.04.93) — У нас огонь так сильно разведен (букв.: мы так огонь=наш сильно зажжен иметь=наст.вр.=объект ед.ч.=субъект 1мн., “имеем разведенным”).

Чрезвычайно интересно, что эта форма может в свою очередь принимать залоговый показатель для перенесения коммуникативного ударения на объект при сохранении семантики формы (характеристика субъекта по состоянию объекта):

(33) Ты вармаль акваг салынг хотпа=т=ын сунсыгл=ым оньц=ав=е (ЛС 21.08.93) — Это дело все время находится под пристальным вниманием оленеводов (букв.: Это дело постоянно оленеводами (дат.п.) пристатривая имеется, =ав= — показатель пассивного залога).

Таким образом, аналитические формы на базе =им(a) должны быть отнесены к индикативу как формы перфектного типа — результатив, стальной пассив и стальной антипассив. Компонент миративности в них отсутствует, может стираться компонент умозаключения (в формах длительности) и даже пассивное залоговое значение (см. пример 29).

Выводы

Система грамматических категорий мансийского глагола организована следующим образом:

- первой оппозицией является оппозиция реальности — нереальности. В сфере реальности (сюда относятся индикатив и миратив, “неочевидное наклонение”) присутствует противопоставление временных форм прошедшего и настоящего, в сфере нереальности (императив, сослагательное наклонение) — нет;
- в сфере реальности противопоставлены друг другу формы индикатива и миратива как формы передачи информации либо вписывающейся, либо не вписывающейся в картину мира говорящего;
- формы миратива — это причастные формы в предикативном употреблении; противопоставлением времен здесь выражается дополнительно способ получения информации: прошедшее время обозначает, что говорящий излагает итог логического умозаключения (inference), настоящее такой информации не несет;
- пассивная форма прошедшего времени (=има) употребляется шире всего, ее ведущая сема — логическое умозаключение, кроме того, ее значение существенно определяется семантикой глагольных основ. С глаголами состояний, особенно с *verba meteorologica*, значение миративности слабеет, так что в этой лексической зоне она употребляется практически как стательный пассив;
- для деактуализации значения миративности имеются две аналитические формы — собственно стательный пассив =им ѓд= и стательный антипассив =им ѓньсь=, входящие уже в сферу индикатива;
- реалис тем самым имеет классическую полевую структуру с тремя полюсами — +миративность (причастные формы в финитном употреблении), +эвиденциальность (в инферентивном варианте - аналитические формы с =има и частично =има), и -эвиденциальность /-миративность (собственно финитные временные формы).

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ:

- Б.СМЯ Баландин А.Н. Самоучитель мансийского языка. Л., 1960
- К. Kannisto, A. – Liimola, M. Wogulische Volksdichtung. Vol.I (MFSOu 101, 1951), II (MFSOu 109, 1955), III (MFSOu 111, 1956), IV (MFSOu 114, 1958), V (MFSOu 116, 1959), VI (MFSOu 134, 1963).
- К. WT Kálmán, B. Wogulische Texte mit einem Glossar. Budapest, 1976.

- ЛС газета „Луима сэрипос“ („Северная зоря“)
LMK Чернецов В.Н. Lovintane maľs kniga. – М.–Л.: Учпедгиз, 1934.
P.MM Мӓньси мӓйтыт / сост. Е.И. Ромбандеева. – СПб, 1996.

ЛИТЕРАТУРА

- Баландин, А.Н.* 1960: Самоучитель мансийского языка. – Л.
Баландин, А.Н. – Вахрушева, М.П. 1957: Мансийский язык. Л.: Изд-во Министерства просвещения.
Баландин, А.Н. – Вахрушева, М.П. 1958: Мансийско-русский словарь. Л.: Изд-во Министерства просвещения.
Володин, А.П., Храковский, В.С. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – Л., 1977.
Лайонз, Дж. 1978: Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс.
Мельчук, И.А. 1977: Три особенности, семь принципов и одиннадцать результатов грамматических исследований Романа Якобсона // Roman Jakobson: Echoes of His Scholarship. Lisse: The Peter de Ridder Press.
Мельчук, И.А. 1998: Курс общей морфологии. Т.2. – Москва-Вена.
Ромбандеева, Е.И. 1966: Мансийский язык // Языки народов СССР. Т.3. М.
Ромбандеева, Е.И. 1973: Мансийский (вогульский) язык. – М.: Наука.
Ромбандеева, Е.И. 1978: Синтаксис мансийского (вогульского) языка. – М.: Наука.
Ромбандеева, Е.И. 1993: Мансийский язык. – Языки мира: Уральские языки. – М.: Наука.
Ромбандеева, Е.И. 1995: Сыгвинский диалект мансийского (вогульского) языка. – Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. Heft 14. Hamburg.
Ромбандеева, Е.И., Вахрушева, М.П. 1979, 1984, 1989: Мансийский язык. Учебник для педагогических училищ. – Л.
Скрибник Е.К. 1984: О классификации глагольных категорий уровня полипредикативного предложения // Теоретические аспекты лингвистических исследований. – Новосибирск.
Типология 1974: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. – Л.
Типология 1983: Типология результативных конструкций. Результатив, статив, пассив, перфект. – Л.
Черемисина, М.И., Бродская, Л.М., Скрибник, Е.К., и др. 1986: Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. – Новосибирск: Наука.
Черемисина, М.И. – Скрибник, Е.К. 1988: Глагольные грамматикализованные конструкции в алтайских языках // Языки народов СССР. – Новосибирск.

- Черемисина, М.И. – Соловар, В.Н.** Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. – Новосибирск: Наука, 1991.
- Чернецов, В.Н.** 1936: Мансийский (вогульский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч.1. – Л.
- Чернецов, В.Н. – Чернецова, И.Я.** 1937: Краткий мансийско-русский словарь. – М.-Л.
- Якобсон, Р.О.** Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972.
- Ahliquist, A.** 1894: Wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer wogulischen Grammatik. – MSFOu 7.
- Aronson, H.** 1977: Interrelationships between aspect and mood in Bulgarian. *Folia Slavica* 1, 1.
- Chafe, W. – Nichols, J.** (ed.) 1986: Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. – *Advances in Discourse Processes* XX. Norwood, New Jersey.
- Collinder, B.** 1957: Survey of the Uralic Languages. Uppsala.
- Comrie, B.** 1976: Aspect. Cambridge: Cambridge University Press.
- Comrie, B.** 1988: General Features of the Uralic Languages. – In: Sinor, D. (ed.) *The Uralic languages. (Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung, v.1).* Leiden – New York – København – Köln.
- DeLancey, S.** 1997: Mirativity: New vs Assimilated Knowledge as a Semantic and Grammatical Category. *Linguistic Typology* 1.1.
- Givón, T. 1982: Evidentiality and epistemic space. In: *Studies in language*. 6.1.
- Guentchéva, Z. (éd.)** 1966: *L'Énonciation médiatisée.* - Louvain, Paris.
- Honti, L.** 1975: System der paradigmatischen Suffixmorpheme des wogulischen Dialektes an der Tawda. *Janua Linguarum. Series Practica* 246. Budapest – Den Haag – Paris.
- Honti, L.** 1988: Die wogulische Sprache. In: Sinor, D. (ed.) *The Uralic languages. (Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung, v.1).* Leiden – New York – København – Köln.
- Jacobsen, W.H., Jr.** 1967: Switch-reference in Hocan-Coahuiltecan. In: *Studies in Southwestern Ethnolinguistics.* Mouton, the Hague – Paris.
- Jacobsen, W.H., Jr.** 1986: The Heterogeneity of Evidentials in Makah. In: Chafe – Nichols 1986.
- Jakobson, R.** 1957: Shifters, verbal categories, and the Russian verb. Cambridge: Harvard University.
- Kaksin, A.D.** 1996: Perfektsemantik in der Struktur eines chantischen Verbs. – *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars IV. Sessiones sectionum Syntaxis et semantica.* Jyväskylä.
- Kálmán, B.** 1976a: *Chrestomatia Vogulica.* Zweite neubearbeitete Ausgabe. Budapest.

- Kálmán, B.** 1976b: Wogulische Texte mit einem Glossar. Budapest.
- Sz. Kispál, M.** 1966: A vogul igenév mondattana. Budapest.
- Kulonen, U.-M.** 1989: The Passive in Ob-Ugrian. – MSFOu 203. Helsinki.
- Lakó, Gy.** 1957: Nordmansische Sprachstudien. – Acta Linguistica, T.VI, 347 – 423. Budapest.
- Munkácsi, B.** 1894: A vogul nyelvjárások névragozásukban ismertetve. Budapest.
- Munkácsi, B. – Kálmán, B.**, 1986: Wogulisches Wörterbuch. Budapest.
- Murphy, L. W.** 1968: Sosva Vogul Grammar. – Indiana University.
- Pirotti, G.** 1972: Grammatica Vogula (con una scelta di poesie vogule). „Quaderni Italo-Ungheresi“ 3. Mantova.
- Rombandeeva, E.I.** 1984: Wogulische Syntax (aus dem Russischen übertragen von Katharina Oestreich-Geib). Ars Ob-Ugrica. Band 4. München.
- Setälä, E.N.** 1886: Zur Geschichte der Tempus- und Modusstambildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. Helsingfors.
- Skribnik, E.** 1997: Zum Modussystem im Nordwogulischen (*in modum speculativum*). (в печати).
- Stipa, G.J.** 1960: Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen. – MSFOu 121.
- Wierzbicka, A.** 1996: Semantics. Primes and Universals. Oxford University Press.